

КАК ЛЮБИТЬ ДЕТЕЙ

ской любви. Если вдуматься в его опыт, он ничего не моделировал в своей педагогической деятельности. Сегодня во всем мире это самое модное слово — моделируем атом и

НЕ ЗНАЮ, так ли выглядел сиротский приют в старой ланской Варшаве, как я его представляю, — угрюмый, закатый скучными дождными домами: два-три кривых дерева перед фасадом, но и они только застят свет в дортуарах, и без того сумрачных и холодных: со двора черный ход с крутыми ступенями; подворотня, где по крупному булыжному мощению покают и скользят в непогоду подковы бнигюга, вывозящего на подводе узлы грязного белья.

Вечером такой дом засыпает раньше других. И тогда в его чердачном окне загорается настольная лампа. Так горит она из ночи в ночь, из года в год. Если заглянуть поближе, можно увидеть под зеленым абажуром заросшее лицо, морщинистые руки, перо и скулоу исписанный, а бывает и чистый лист бумаги. Чистый — потому что трудно собраться с мыслями после бесконечно долгого дня, проведенного среди ребят.

Все они разные — вот в чем загвоздка пишущего! Этот маленький, а тот большой; один сильный, а другой слабый; этот умный, а тот не такой умный; один веселый, другой печальный; один здоровый, а у другого что-нибудь болит. А ты подгонял их всех под ранжир! Ты задавал им одну норму питания и одну норму сна: всех разбудил по звонку и всех уложил спать по звонку! Они галдели в коридорах — это была орава! И ты не видел лиц, когда наказывал, не имея времени отличить, у кого проступок только случайность, у кого — от непонимания, а у кого — от злой воли. «Все они, так же!» — думал ты и тяжело вздыхал, жалея себя и проклиная собственную участь. Но ведь это ленивая мысль! Все они разные — вот в чем загвоздка... И сейчас нет ничего важнее, как обдумать свои собственные провинности, в чем ты, воспитатель, был виноват перед ними, где твои ошибки. А их непременно надо найти, чтобы рассчитать запас душевных сил — как ими распорядиться завтра, чтобы в конце концов не остынуть от неудач, не оказаться банкротом...

Светилась лампа в чердачном окне сиротского дома. И скупое ложилось на бумагу строки — не то исповедного дневника, не то штурманского журнала, не то завещания тем, кто будет жить и работать позже. Вот выдержки наугад: «Гениальный французский энтомолог Фабр гордится, что он произвел свои эпохальные наблюдения над насекомыми, не умертвив ни одного. Фабр наблюдал их полеты, обычаи, радости и заботы. Внимательно присматривался к насекомым, как они резвились в солнечных лучах, сражались и гибли в борьбе, искали еду, строили убежища, делали запасы. Он не возмущался, а мудрым взглядом прослеживал могущественные законы природы в их еле заметных проявлениях. Фабр был учителем в народной школе. Он наблюдал небооруженным глазом. Воспитатель, будь Фабром детского мира!»

«Если поделить человечество на взрослых и детей, а жизнь — на детство и зрелость, то детей и детства в мире и в жизни много, очень много. Только погруженные в свою борьбу и в свои заботы, мы их не замечаем, как не замечали раньше женщины, крестьянина, забаленные классы и народы. Мы устроились так, чтобы дети нам как можно меньше мешали и как можно меньше догадывались, что мы на самом деле собой представляем...»

«Одна из грубейших ошибок считать, что педагогика является наукой о ребенке, а не о человеке. Вспыльчивый ребенок, не помня себя, ударил; взрослый, не помня себя, убил. У простодушного ребенка выманили игрушку; у взрослого — подписи на векселе. Легкомысленный ребенок за десятку, данную ему на тетрадь, купил конфет; взрослый проиграл в карты все свое состояние. Детей нет — есть люди, но с иным масштабом понятий, иным запасом опыта, иным влечениями, иной игрой чувств. Помни, что мы их не знаем!»

«Теоретизируя, мы забываем, что обязаны учить ребенка не только ценить правду, но и распознавать ложь, не только любить, но и ненавидеть, не только уважать, но и презирать, не только соглашаться, но и возмущаться, не только подчиняться, но и бунтовать».

«Чем ниже духовный уровень воспитателя, бесцветнее его моральный облик, больше забот о своем покое и удобствах, тем больше он издает приказов и запретов, диктуемых якобы заботой о

блага детей. Воспитатель, который не хочет неприятных сюрпризов и не желает нести ответственность за то, что может случиться, — тиран».

Книгу, из которой я выписал эти строки, я только что прочитал с восторгом и восхищением. И я не могу скрыть своего чувства, то, что я сейчас пишу, — не рецензия. Я думаю: как же нуждаются все детские дома и школы мира в бессонной настольной лампе, под которой пишутся подобные книги! Ее автор — известный в Польше детский врач, педагог и писатель Януш Корчак. Его давно нет, он погиб в Трелинском лагере смерти, не покинув своих детей, которых нацисты предназначили к истреблению, как одинаковых, а он их всех считал разными и потому любил и не предал своей любви. Я обычно подчеркиваю в книге то, что заслуживает запоминания, но эту книгу надо всю подчеркнуть, все ее 469 страниц.

ОН ЗНАЛ о детях очень многое, потому что в самом начале педагогической деятельности со своего лица снисходительную улыбку, умом и сердцем понял раз и навсегда, что в интернате «сто детей — сто людей, которые не когда-то там, не еще... не завтра, а уже... сейчас... люди. Не мирок, а мир, не малых, а великих, не «невинных», а глубоко человеческих ценностей, достоинств, свойств, стремлений, желаний».

И, несмотря на то, что он не плохо руководил детским коллективом, он знал, что его власть над детьми превышает его компетентность в ребячьей жизни и что он — не сама справедливость.

Трудно, даже невозможно очертить опыт Януша Корчака, изложенный в его книге. Он знал, что нельзя «купить» хорошее отношение ребенка, что у ребенка есть право на тайну, а у воспитателя нет права принуждать ребенка к откровенности. Он знал, что «не сам поступок, а побуждение характеризует нравственный облик и потенциальные возможности ребенка». Он знал цену сказки и что старые няньки и историки — часто лучшие педагоги, чем дипломированные воспитательницы. В содержимом ребячьих карманов он видел не мусор, предназначенный в печь, не просто каштаны и еловые шишки, камни и гвозди, тряпочки и бусы — он видел в этих предметах воспоминания о прошлом и порыв к будущему, в винтике — аэроплан, мечту о полете, в фарфоровом глазе разбитой куклы — память о любимом существе. Он знал, что после обеда «хорошо вытертый стол равноценен старательно переписанной странице».

Целая глава о том, что такое разнообразнейшие детские «не хочу!». Целая глава о том, что значит ваш раздраженный возглас: «Не шуметь!». Целая глава о том, что такое невыполненное обещание. Целая глава о вреде огульных обвинений, условных запрещений. Он понимал, что в ребячьем коллективе нет и не может быть абсолютного товарищества: с одним у тебя только общая крыша над головой, с другим — один и те же склонности, с третьим — дружба, с четвертым — любовь. В том-то загвоздка, что все они разные! Я хотел бы найти хотя бы малую часть затронутых Корчаком проблем воспитания в двухтомном «Педагогическом словаре» Академии педагогических наук (год издания 1960), где Януш Корчак не удостоен строчки упоминания.

Вот, например, назначение дежурных по интернату — какое это щедрое воспитательное поле, если вникать и видеть: одного ты назначаешь ему на радость, другого — на рабскую скуку; при исполнении нехитрых обязанностей ребенок весь виден сразу даже нагляднее, чем на уроке в классе. А доска объявлений? А шкаф нахо-

Николай АТАРОВ

□

док? А стенная газета? А общее собрание в школе, и чем оно отличается от пародии на собрание?.. И в час отхода ко сну в засыпающей спальне он знал, как встать на колени у кровати исплакавшегося, икающего от обиды ребенка, легонько дотронуться до его головы: «Почеловачь тебя на сон грядущий?.. Ну, спи, сынок... Спи».

Он, наверно, был слишком добрым? Об этом он тоже сделал запись в своем штурманском журнале:

«Я часто думал о том, что значит «быть добрым»? Мне кажется, добрый человек — это такой человек, который обладает воображением и понимает, как ково другому, умеет почувствовать, что другой чувствует».

Он знал, что чувство собственной слабости вызывает почтение к чужой силе и потому огромную роль отводил детскому самоуправлению, сплоченной силе коллектива. Сегодня, когда у себя дома, в нашей стране, мы хотим преодолеть разрывную стихию хулиганства, книга Януша Корчака прямо-таки злободневна. В борьбе с дикими, писал он, «мы не позволяем детям организовываться; пренебрегая, недоверая, недолюбливая, не заботимся о них; без участия знатоков нам не справиться; а знатоки — это сами дети». И разве он дал тут не самый умный совет? Ведь добра и зла всегда достаточно, и задача и состоит в том, чтобы переориентировать жизнь с ее нормой, где добро пассивно, а зло активно: сделать активным добро и усмирить, уноротить, окоротить зло. Он твердо руководствовался идеей утверждения общественного порядка — государство, коллектив, семья должны защищать жизнь и труд своих добросовестных и трудящихся детей от разгула разболтанных и лентяев. Но и в этом случае он не забывал, что все разные — все в чем загвоздка! Один нашкодил, потому что не знал, что с собой делать, другой — потому что трудно привыкнуть, а уже потянуло жить иначе. Он не был добрым. И он был добрым...

ЭТО САМАЯ полемическая книга, потому что душевное беспокойство воспитателя положено в ней основанием, как норма воспитательной деятельности. Ни одной минуты покоя! Абстрактная педагогика, бесконфликтная педагогика унижает не только школу, но и подвиг учителя, потому что величие учительского труда неотделимо от драмы учительского труда. Жизнь воспитателя, учителя — по Янушу Корчаку — это долгая, упорная и яростная жизнь: «слишком быстрая и легкая победа таит в себе зачатки поражения». Давно я не читал такого изображения физической и душевной усталости, какое нарисовал Януш Корчак, описав свой собственный путь воспитателя, — усталости и в то же время сопротивления ей! Как остаться хорошим и нужным после тщетных усилий, как не испортиться в результате ошибок и непрерывно теряя время попусту. Вот о чем была тревога Корчака!

Если бы все были одинаковы!.. Но ведь каждый отец, каждая мать знают эту истину, что все разные. Особенно это легко постигают матери близнецов. И все уже тысячи лет удивляются, безмерно удивляются: при тождестве условий и усилий — разность результатов. Педагогическая теория пытается установить подобия, но часто бывает, что чем больше ей удастся привести в порядок свои таблицы, каталогизировать, унифицировать, установить ГОСТы, абстрагироваться от детей в своих диссертациях и на своих кафедрах, тем меньше она оказывается практически нужной. Педагогика может быть только конкретной. Или никакой.

Драматизм книги Януша Корчака сродни драматизму материн-

Вселенную, моделируем прошлое и будущее, и кажется, моделируем самое бесконечность. Достигнув гигантских успехов в точных науках, в техническом прогрессе, в материальном производстве, человечество возманило уже о своей способности моделировать Сикстинскую Мадонну с младенцем на руке (см. абстрактное искусство) или процесс оптового воспитания (см. педагогические словари). Но Януш Корчак ничего не моделировал, формируя личность ребенка, и в этом он скорее сродни наивно мудрым кустарям-волшебникам всех времен и народов — и армянским каменотесам, и гуцульским резчикам по дереву, и туркменским ковровделам. Он догадывался, что Эйфелева башня в новых условиях может быть повторена в точности, может быть даже размножена по решению ООН и доставлена в каждую страну, что тысячи Эйфелевых башен могут быть расставлены, как мачты высоковольтной электропередачи. И он знал, что в отличие от Эйфелевой башни человеческий малыш неповторим.

Принято считать, что каждый отец и каждая мать должны обладать искоркой педагогического таланта. Януш Корчак всей своей жизнью добавил к этому верному утверждению, что каждый педагог, каждый воспитатель должен обладать искоркой отцовско-материнской любви. Вот почему книга Януша Корчака, на мой взгляд, бессмертна. Я хочу сказать, что в непостижимо отдаленные времена, когда, как думают фантасты и философы, возникнет «автоматически действующая цивилизация» и даже наступит «опасность благоденствия», когда исчезнет необходимость изучать воинские уставы и руководства по дипломатической службе, и люди станут вроде как бы полубоги, — и тогда останется неотложно и настоятельно необходимой полубогам этой счастливой Утопии книга о том, как любить детей. Их будет так же много, как и сейчас в селах Укранны, в городах Японии, в джунглях Индии. И они будут разные, как сейчас — как всегда разные миллионы деревьев, миллиарды листьев на этих деревьях, как были неповторимы тысячи мадонн, которых написали художники Возрождения. Голоса и смех детей будут также наполнять радостным чувством сердца полубогов, но полубоги непостижимо отдаленного будущего также не будут знать, что же с ними делать. Тогда-то, хочется мне думать, среди немногих книг, которых профилируют тысячелетия, останется на книжных полках или в микропленках, или в иных нематериальных хранилищах человеческого опыта и книга, прочитанная мною. Она не покажется этим отдаленнейшим читателям наивной, в упорном утверждении неодинаковости каждого малого ребенка. И они преклонятся перед драматизмом и человечностью этой книги. Р. С. Ее издали у нас в 1966 году под названием «Избранные педагогические произведения» Януша Корчака. Вы вряд ли найдете ее в магазинах, читатель, потому что книготорговые организации не без основания скептически относятся к подобным общим названиям и заказали ее издательству «Просвещение» всего-навсего в тираже... 8.000 экземпляров. Янушу Корчаку не хватило бы этих экземпляров даже для того, чтобы подписать их всем кто приехал бы к нему из многих наших детских садов, школ-интернатов и просто школ лично поблагодарить за высокий подвиг. Но эта книга еще будет переиздана не раз, — думаю, что миллионным тиражом! — особенно, если назовут ее так, как ей и надлежит называться:

Как любить детей.